

Глава первая

Длинное лезвие рапиры согнулось, когда Алана с силой вдавила его кончик в грудь стоявшего перед ней человека. Удар мог быть смертельным, если бы не защитные куртки на толстой подкладке, в которые были одеты оба фехтовальщика.

— Тебе следовало сделать этот выпад еще три минуты назад, — проворчал Паппи, снимая маску, что позволило девушке увидеть неодобрение в глубине его холодных голубых глаз. — Что так отвлекает тебя сегодня, Алана?

«Выбор пути», — подумала она. Разумеется, она рассеянна. Как она может сосредоточиться на тренировке, когда мысли заняты совсем другим? Ей предстоит принять жизненно важное решение. Из трех совершенно разных направлений, стоявших перед ней, каждое имело свое особое преимущество. А время почти истекло. Сегодня ей исполнилось восемнадцать. Откладывать решение больше нельзя.

Дядя всегда серьезно относился к урокам фехтования. Сейчас был неподходящий момент говорить о выборе, с которым она столкнулась. Так или иначе, ей необходимо обсудить все с Паппи, она сделала бы это гораздо раньше, но в последнее время он казался чем-то очень озабоченным. Это на него не похоже. Когда Алана спрашивала, что случилось, он только улыбался и отвечал, что все хорошо. И это тоже было не в его характере.

Ей удавалось скрывать собственную обеспокоенность до сегодняшнего дня. Правда, дядя научил ее сдерживать эмоции. Все минувшие годы он учил ее многим странным вещам...

Подруги Аланы называли ее дядю чудачком: подумать только, он учит племянницу пользоваться оружием! Но девушка всегда защищала его право быть другим. В конце концов, он ведь не англичанин. Так что подругам не стоило сравнивать его со своими соотечественниками! Она даже лишилась нескольких приятельниц из-за того, что Паппи настаивал на ее разностороннем образовании. Но эта потеря была для нее несерьезной. Та заносчивая девушка, которая жила по соседству, была прекрасным примером легкомыслия. При первой встрече с ней Алана упомянула о своих недавних открытиях и о своем восхищении математикой.

— Вы рассуждаете, как мой старший брат, — пренебрежительно произнесла девица. — Что вам и мне нужно знать о мире? Нам достаточно уметь вести хозяйство. Известно ли вам, как это делается?

— Нет, но я могу пронзить рапирой подброшенное яблоко прежде, чем оно упадет на землю.

Они так и не подружились. Невелика потеря. У Аланы было множество других подруг, восхищающихся ее необычайной образованностью и не придающих значения тому, что она, как и Паппи, иностранка, хотя всю жизнь прожила в Англии и считала себя англичанкой.

Паппи — не настоящее имя дяди, так звала его Алана в детстве, потому что представляла себе, будто он ее отец, а не дядя. Сама она была среднего роста, и он был не намного выше нее. И хотя ему перевалило далеко за сорок, на его лице не появилось морщин, свидетельствующих об этом, а его каштановые волосы оставались такими же темными, какими были всегда.

В действительности его звали Мэтью Фармер, это чисто английское имя, что было довольно странно из-за его сильного иностранного акцента. Он был одним из многих европейских аристократов, которым пришлось покинуть континент с началом Наполеоновских войн, чтобы начать новую

жизнь в Англии. Он привез с собой племянницу, а других родственников у него не было.

Ее родители умерли, когда она была совсем маленькой. Трагически погибли на войне, в которой сами не участвовали. Решили навестить в Пруссии бабушку Аланы по материнской линии, получив известие, что она умирает. Но по дороге туда их застрелили фанатичные приверженцы Франции, принявшие их за врагов Наполеона. Паппи полагал, что это произошло из-за их аристократической внешности, а крестьяне считали всех аристократов врагами Франции. Он не знал подробностей, и его печалили разговоры на эту тему. Когда она была маленькой, он так много рассказывал о ее родителях, что у нее появилось чувство, будто она сохранила о них настоящие, живые воспоминания.

Сколько Алана себя помнила, брат ее отца всегда был ее опекуном, учителем, компаньоном, другом. В нем было все то, что она хотела бы видеть в отце, и она любила его как родного. То, что произошло с ее родителями, ужасно, но она всегда была благодарна Паппи за то, что именно он ее вырастил.

Благодаря дядиному богатству жизнь Аланы была полна привилегий и невероятных возможностей. Список ее учителей был настолько длинным, что девушка давно потеряла им счет. Каждый учил ее чему-то одному и оставался в доме всего несколько месяцев. Леди Аннетт была единственной, кто задержался дольше. Обедневшая молодая вдова, вынужденная искать работу, была нанята Паппи, дабы обучать Алану всему тому, что должна знать и уметь леди. Позже он продлил ее пребывание в качестве дуэньи, так что Аннетт была частью семьи вот уже девять лет.

Занятия Аланы стали еще более интересными, когда ей исполнилось десять и началось обучение боевым искусствам. Паппи сам учил ее, как обращаться с различным оружием.

В тот день, когда он привел ее в комнату, полностью освобожденную от мебели, со стенами, увешанными рапирами, кинжалами и пистолетами, она вспомнила слова, сказанные им очень давно. Он полагал, что девочка еще маленькая и все равно их не запомнит:

— Раньше я убивал людей. Больше я этим не занимаюсь.

Алана знала, что дядя сражался в войнах, которые Наполеон развязал по всей Европе; тех самых, из-за которых им пришлось бежать в Англию. Но как-то странно это прозвучало. В тот день, когда он вложил рапиру в ее руку, она спросила:

— Вот этим оружием ты убивал?

— Нет, но я тренировался, чтобы овладеть всеми видами оружия. То, что у тебя в руках, требует немалых упражнений, большой ловкости, быстроты реакции, сообразительности и хитрости, так что владение им дает огромное преимущество. А тебе лично рапира позволит держать на расстоянии мужчин, которые посчитают, что могут схватить тебя и подчинить своей силе. Очень важно соблюдать дистанцию, вне зависимости от того, какое оружие есть под рукой.

— Но, возможно, мне никогда не придется защищаться?

— Нет, чтобы защищаться, ты будешь носить не шпагу. Для этого ты освоишь пистолет.

Фехтование было просто упражнением, нужным для того, чтобы сохранять форму. Это она понимала. И стала с нетерпением ожидать тренировок с Паппи, которые приобрели для нее особое значение. В отличие от некоторых других наставников, он всегда был спокоен и терпелив с ней.

Аннетт рисковала лишиться работы, осмелившись спорить с Паппи о новом увлечении подопечной. Алана уловила только конец беседы, однажды проходя мимо кабинета Паппи.

— Оружие? Господи боже, она уже и без того дерзка и своевольна, а теперь еще и оружие будет у нее в руках?!

Вы воспитываете ее, как мужчину. И как, по-вашему, я буду это исправлять?

— Я и не прошу вас ничего исправлять, — холодно возразил Паппи. — Я хочу, чтобы вы учили ее, как вести себя в присутствии тех или иных людей. А то, что вы считаете излишней дерзостью и мужским характером, станет ее преимуществом.

— Но это *не подобает* леди, ни в малейшей степени!

Паппи усмехнулся:

— Достаточно того, что вы научите ее хорошим манерам и прочему, что должна знать леди. И имейте в виду: от вас не требуется превращать в леди неизвестно кого. Она и так является леди самого высокого уровня. И я не собираюсь лишать ее надлежащего образования только на том основании, что она женщина.

— Но она подвергает сомнению *все*, чему я пытаюсь ее научить! Совсем как мужчина.

— Я рад это слышать. Я учил ее подходить обстоятельно, даже скрупулезно к анализу любой ситуации. Если что-то кажется ей непонятным, она не отмахивается, а старается разобраться в сути дела. Я хотел бы надеяться, что вы преуспеете в воспитании Аланы, не отвергая того, чему ее уже научили.

На этой реплике, прозвучавшей как предостережение, дискуссия завершилась.

Алана отступила от Паппи и приблизилась к стене, чтобы повесить шпагу. Настало время рассказать о том, что ее беспокоило. Она не могла больше откладывать этот разговор.

— Паппи, мне нужно принять несколько важных решений. Не могли бы мы обсудить их сегодня за ужином или как только я вернусь из приюта?

Не оглядываясь, она знала, что он хмурится. Запрещать ей он не запрещал, но ему не нравилось, когда она ходила

в приют, даже если это *его* приют. В прошлом году она была потрясена, узнав, что Паппи основал это учреждение вскоре после их приезда в Лондон и продолжает поддерживать его. Алана не понимала, почему он никогда не рассказывал ей об этом. Не потому ли, что ее нынешнее обучение должно было превратить ее в леди? Ведь леди не пристало якшаться с оборванцами из трущоб, не так ли?

Но его объяснение прозвучало просто:

— Здесь мне дали новую жизнь, второй шанс. Я чувствовал, что не оправдал доверия. Нужно было вернуть долг, предоставить другим возможность получить такой же шанс на новую жизнь, какой выпал мне. Несколько лет ушло на то, чтобы уяснить для себя, что больше всего в моей помощи нуждаются самые отчаявшиеся — уличные беспризорники.

Что ж, достойная цель. Разве могла она остаться в стороне? Ее решение преподавать в приюте казалось совершенно естественным. Она получила столь разностороннее образование, что была квалифицированнее многих учителей. Кроме того, ей это *нравилось*. Одно из решений, которое она должна принять, относилось к преподаванию в приюте, поскольку эта работа никак не совмещалась с двумя другими направлениями, из которых следовало выбирать.

— Я тоже принял решение, — объявил дядя, стоя за ее спиной. — Никогда не думал, что именно этот день станет столь памятным для тебя, но откладывать разговор больше нельзя. Пойдем в мой кабинет.

Боже правый! Неужели ей придется выбирать из еще большего количества вариантов, чем прежде? Она стремительно обернулась и увидела, каким смущенным выглядел дядя. А вот он не мог видеть настороженности в ее серо-голубых глазах, блестящих в прорезях фехтовальной маски, которую она до сих пор не сняла. *Памятный*, он сказал? Это означало, что есть вещи важнее ее собственного выбора.

Он направился к двери, рассчитывая, что она последует за ним.

— Погоди, Паппи! — окликнула Алана. — Дети приготовили праздник по случаю моего дня рождения. Они огорчатся, если я не приду в приют сегодня.

Дядя заговорил не сразу. Ему пришлось обдумывать свой ответ? Притом что он любит детей не меньше, чем она?

Наконец он сказал:

— Хорошо, но не задерживайся.

И вышел из комнаты прежде, чем она нерешительно кивнула.

Алана машинально сняла маску, защитный жилет и ленту, которой перевязывала свои длинные черные волосы. Смутная тревога охватила ее.

Глава вторая

Праздник в приюте не помог Алане расслабиться и перестать думать о том, что ей предстоит дома. Мало того, детские проказы раздражали ее сегодня настолько, что она даже прикрикнула на Генри Мэтьюса:

— Может, тебе уши надрать?

Генри был одним из ее любимцев. Многие дети в приюте, не знавшие своих настоящих родителей, брали себе фамилию Паппи, с его разрешения, конечно. Генри, который хотел выделяться во всем, выбрал вместо этого имя Паппи.

Генри был не таким, как остальные. Он не просто отличался очень острым умом, быстро схватывая все, чему его учили, но также проявлял и развивал талант, который должен был сослужить ему добрую службу, когда настанет время покидать приют. Он умел вырезать из дерева замечательные вещицы: украшения, людей, животных. Алане он подарил ее собственное изображение. Она так растрогалась в тот день, когда он сунул ей в руки фигурку и убежал в смущении! Позже она отблагодарила Генри прогулкой в Гайд-парке и предложила захватить с собой некоторые из его поделок. Один из уличных торговцев заплатил за них Генри несколько фунтов, и этих денег оказалось больше, чем он когда-либо носил в карманах. Тот случай окончательно убедил паренька в том, что его талант чего-то стоит.

Сейчас она поймала его на том, что он сцепился с мальчишками помладше из-за своей резной поделки. Но на ее угрозу он только нахально улыбнулся:

— Не надерете вы мне уши! Вы слишком добрая.

Да, она была не способна на это. Но у нее имелся метод получше. Она бросила на него разочарованный взгляд.

— Я думала, ты умеешь щедро делиться с теми, кому не так повезло, как тебе.

— И вовсе мне не повезло...

— Ведь ты обещал быть великодушным, — напомнила она.

Генри насупился, но сунул своего игрушечного солдата маленькому мальчику, который немедленно убежал с подарком.

— Ежели сломает, то я ему шею сверну, — пробормотал Генри.

Алана укоризненно цокнула языком.

— Похоже, нам не мешало бы поработать над твоим отношением к подаркам. Щедрость согреет тебе душу, тем более что ты легко можешь вырезать другую игрушку.

Генри возмущенно взглянул на нее:

— У меня четыре часа ушло на резьбу. Я работал допоздна, а наутро заснул в классе и получил за это нагоняй. А этот поганец спер солдата из моего сундука. Может, вам стоит научить его не воровать, вместо того чтобы учить меня раздавать свои работы?

Алана удивленно воскликнула и попыталась помешать ему убежать, но Генри был слишком проворен. А она была слишком строга с ним. Стремление помочь не оправдывает ее поведения. Завтра она извинится перед ним, а сейчас пора домой.

Но Генри встретил ее у двери, когда она завязывала свой плащ, и крепко обхватил руками за талию.

— Я не хотел вас обидеть, не хотел! — воскликнул он с отчаянием.

Она погладила его по голове.

— Знаю, и это я должна извиниться перед тобой. Подарок не является подарком, если отдан не по своему желанию. Завтра я верну тебе игрушку.

— Тот малец уже вернул, — отмахнулся Генри, отпуская ее. — Ему просто хотелось позлить меня. Потом он сразу пошел в спальню и бросил солдатика на мою кровать. А это был подарок вам, учительница, к вашему дню рождения. Чтобы та, другая поделка не скучала одна, а?

Она взяла фигурку, которую он ей протягивал. Солдатик был искусно вырезан вплоть до мельчайших деталей. Она усмехнулась:

— Ты видишь меня в паре с солдатом?

— Они отважные. А мужчине нужно много отваги, чтобы...

Она поняла, к чему он клонит, и перебила со смехом:

— Неужели я такая некрасивая, что только отважный мужчина может на мне жениться?

— Дело не в этом, а в том, что у вас вот тучочки. — Он похлопал себя по голове. — Женщинам не пристало быть такими умными, как вы.

— Мой дядя считает иначе, настаивает, чтобы я получила всестороннее образование. Ведь мы живем в просвещенный век, Генри. Мужчины уже не такие варвары, какими были раньше. У них открылись глаза.

Немного обдумав услышанное, мальчик сказал:

— Ежели Мэтью Фармер так считает, то, значит, так оно и есть.

Алана подняла бровь:

— И никаких аргументов в поддержку собственного мнения?

— Нет, мэм.

Его уверенный ответ заставил ее рассмеяться. Дети боготворили ее дядю. Они никогда не ставили под сомнение то, что он говорил или делал.

Алана взъерошила волосы Генри.

— Я все равно поставлю солдатика рядом с фигуркой девушки. Он будет ее защитником. Ей это понравится.

Мальчик просиял, прежде чем убежать. Похоже, он принял решение за нее, поняла Алана. Как она может бросить преподавание?

Порыв холодного ветра едва не сорвал с нее шляпку, когда она вышла наружу и поспешила к ожидавшему ее экипажу. Хотелось надеяться, что Мэри растопила в нем жаровню. Она была няней Аланы до того, как стала горничной, иногда исполняла обязанности дуэньи, но время шло, и Мэри старела. Она могла бы ждать свою подопечную в здании приюта, но предпочитала тишину экипажа, где можно было без помех заниматься вязанием.

Алана считала, что глупо оставлять экипаж ждать ее у входа. Доставив ее, он мог бы уехать и вернуться к назначенному времени. Но он стоял здесь по настоянию Паппи. Алане никогда не приходилось дожидаться экипажа и не дозволялось покидать дом без сопровождения одного из двух лакеев и какой-нибудь женщины, составлявшей ей компанию.

На протяжении первых шести месяцев преподавания в приюте Алану сопровождала леди Аннетт. Хотя леди Аннетт поддерживала различные благотворительные начинания, она была решительно против того, чтобы Алана давала здесь ежедневные уроки, потому что тогда это была бы уже «работа». Но сама Аннетт привязалась к детям так же сильно, как и Алана, и даже начала проводить занятия в нескольких классах. Похоже, это доставляло ей искреннее удовольствие, пока однажды, выходя из приюта, они не столкнулись с лордом Адамом Чапменом...

— Алана?

«Легко на помине», — подумала она весело.

Лакей, уже открывший дверь экипажа, снова закрыл ее, чтобы Мэри не простудилась, когда Алана обернулась на оклик.

Адам снял перед ней шляпу. Она приветливо улыбнулась. Она всегда чувствовала себя легко в его присутствии

и относила это на счет его дружелюбия и прекрасного чувства юмора.

— Я не забыл, какой сегодня день, — продолжал лорд Чапмен, протягивая ей букет желтых цветов. — Знаменательный день для многих юных леди.

Она предпочла бы, чтобы он не употреблял слово «знаменательный». Это напомнило ей о том, что предстоит дома.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Но, скажите на милость, где вы нашли цветы в это время года?

— У меня есть свои места. — Он загадочно улыбнулся, но тут же рассмеялся и признался: — Моя матушка содержит теплицу, точнее, ее садовники содержат. Ее саму не заставишь ковыряться в грязи даже ради самых прекрасных плодов.

Его родители жили в Мейфейре, но Адам как-то сказал ей, что у него есть своя квартира совсем недалеко от приюта, и раза два в неделю они случайно встречались на улице. Он всегда останавливался, чтобы поболтать с ней, с интересом выслушивал истории о проделках детворы и рассказывал кое-что о своей собственной жизни.

Алана познакомилась с Адамом благодаря тому, что Аннетт знала его еще до своего замужества с лордом Хенсеном. Однажды он шел мимо приюта, когда Алана и Аннетт выходили оттуда, и тепло поприветствовал Аннетт. После Адам постоянно возникал перед ними, стремясь возобновить общение, но, хотя Аннетт была вежлива, ее тон становился холодным и официальным всякий раз, когда они встречались. Она никогда не объясняла, почему ведет себя таким образом, несмотря на расспросы Аланы. А вскоре и вовсе перестала сопровождать Алану во время ее визитов в приют. Впрочем, это обстоятельство не помешало Адаму все равно появляться там.

Алана была польщена, что он обратил на нее внимание. Могло ли быть иначе, если он был так красив и обаятелен?!

Ему было тридцать с небольшим, как и Аннетт, но выглядел он намного моложе.

Алана подумала, что как-нибудь стоит пригласить Адама на обед, чтобы познакомить с Паппи... Но только не сегодня. Она уже несколько раз приглашала его прежде, однако всегда выбирала неудачное время, потому что он уже был куда-нибудь приглашен. Но когда-нибудь, когда-нибудь...

Сейчас же было довольно холодно для беседы на тротуаре, и Мэри, должно быть, тоже подумала об этом, потому что открыла дверцу экипажа, чтобы напомнить Алане:

— Пора ехать, моя дорогая.

— И в самом деле, — согласился Адам и протянул руку, чтобы помочь ей сесть в экипаж, после чего промолвил с беспечной улыбкой: — До следующего раза, когда наши пути пересекутся.

Алана, смеясь, захлопнула дверь. Их встречи всегда казались случайными, однако не являлись таковыми. Он точно знал, в котором часу она покидает приют, и оказывался поблизости именно в это время, чтобы немного поболтать с ней на улице.

Графский сын, выходец из богатой семьи, Адам был молодым человеком того сорта, который, несомненно, вызвал бы одобрение Паппи. И сегодня он подарил ей цветы! Явный знак того, что он готов перевести их отношения на новый уровень. Неужели он просто ждал, пока ей исполнится восемнадцать, чтобы начать ухаживать за ней? Вполне возможно. В прошлом месяце он даже упомянул о *женитьбе*, хотя, скорее всего, речь шла лишь о том, что для него настало время обзавестись семьей. Алана даже не помнила, почему он заговорил об этом, однако именно тогда он стал поводом для ее третьего решения. Или же станет таковым, *если* начнет ухаживать за ней подобающим образом.